

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4451.

Воскресенье, 8го Ноября, 1898 г.

№ 4451.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
Генераль-Фельдмаршалъ, Генераль-Фельдцехмейстеръ
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЬ НИКОЛАЕВИЧЪ.

ПОЛУБЪКОВАЯ СЛУЖБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ВЪ ОФИЦЕРСКИХЪ ЧИНАХЪ.

Первый Офицеръ доблестнаго русскаго воинства и старѣйшій Генералъ, Его Императорское Высочество Генералъ-Фельдмаршалъ, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ и Предсѣдатель государственнаго совѣта Великій Князь Михаилъ Николаевичъ празднуетъ сегодня 50-лѣтіе Своей дѣйствительной службы въ офицерскихъ чинахъ. Великій Князь родился 13-го октября 1832 г. и на слѣдующій же день былъ зачисленъ въ списки л.-гв. Преображенскаго полка и л. гв. конной артиллеріи и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ Шефомъ л. гв. конно гренадерскаго полка, а черезъ нѣдѣлю приказомъ Августѣйшаго Генералъ-Фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Павловича—назначенъ былъ во 2-ю легкую батарею л.-гв. конной артиллеріи.

До семилѣтнаго возраста Великій Князь воспитывался подъ непосредственнымъ руководствомъ Августѣйшей Матери Своей, Императрицы Александры Феодоровны, и инеей его въ это время была М. В. Койсowska, англичанка по происхожденію. Въ эти дѣтскіе годы, проведенные въ Царской Семлѣ, выработались въ Великомъ Князѣ тѣ добрыя нравственныя начала, которыя снискали Ему общее уваженіе, безграничную любовь и обожаніе.

14-ти лѣтъ отъ роду, въ 1847 г., Его Императорское Высочество былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ—въ подпоручики, и съ тѣхъ поръ ровно подполковнѣ Его Высочество неуменно посвящаетъ Свою силу и энергію, наряду съ государственной дѣятельностью, военному, а въ частности артиллерійскому дѣлу, такъ какъ уже 28-го января 1848 года Великій Князь былъ назначенъ Шефомъ л.-гв. 2-й артиллерійской бригады.

Вотъ какъ пятьдесятъ лѣтъ спустя вспоминаетъ Онь самъ этотъ торжественный день:

«Не думайте, что Я былъ тогда мальчикомъ, Миѣ было уже 15 лѣтъ. Вмѣстѣ съ Братьями Александромъ Николаевичемъ, Константиномъ Николаевичемъ и Николаемъ Николаевичемъ, Я прѣхалъ поздравить Великаго Князя Михаила Павловича съ днемъ Его рожденія Великій Князь объявлялъ Миѣ о Моёмъ назначеніи и приказалъ тутъ-же, у себя въ кабинетѣ, переодѣться въ параднѣе припопеленную форму 2-й бригады и ѣхать представиться Государю Императору. Вернувшись, Я снова переодѣлся въ мундиръ гвардейской конной артиллеріи и сталъ въ караулъ во дворцѣ Великаго Князя. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, не ожидавшій видѣть Меня въ караулѣ въ своемъ дворцѣ, со слезами обнялъ и расцѣловалъ Меня».

Во время празднованія 50-лѣтія со дня назначенія Великаго Князя Михаила Павловича Генералъ-Фельдцейхмейстеромъ, Его Высочество представилъ артиллеристамъ Великаго Князя Михаила Николаевича, какъ будущаго генералъ-фельдцейхмейстера, выразивъ со слезами на глазахъ увѣренность, что они перенесутъ на дорогого Ему Крестника и Племянника тѣ же чувства любви и преданности. Вскорѣ послѣ того, 28-го августа 1849 г., Михаилъ Павловичъ скончался, но артиллеристы свято берегутъ Его послѣдній заветъ.

Въ 1852 г. Великій Князь былъ произведенъ въ генералъ-майора и пожалованъ Генералъ-Фельдцейхмейстеромъ, съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ гв. конной артиллеріи. Затѣмъ со слѣдующаго-же года Его постигъ рядъ тяжкихъ испытаній. Началась Восточная война. Ве-

ликій Князь находился сперва въ составѣ с.-п.-петербургскаго гарнизона, дѣйствовавшаго противъ соединенныхъ флотовъ и войскъ Англіи и Франціи, а въ сентябрѣ 1854 года, по распоряженію Государя Императора, отправился вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, въ южную армію и прибылъ въ Севастополь 23 октября, наканунѣ Искерманскаго сраженія. Здѣсь Великій Князь принялъ начальство надъ всей артиллеріей, находившейся на фортахъ, укрѣпленіяхъ и батареяхъ на правомъ берегу р. Черной, и участвовалъ въ дѣлѣ во время бомбардированія неприятельскими судами Константиновскаго форта и Волоховой башни. На севастопольскихъ бастіонахъ прошелъ Великій Князь свою боевую школу, заслуживъ высшую боевую награду—Георгиевскій крестъ 4 степени за то, что «явилъ примѣръ истинно воинской доблести въ бою... и неустранимость, кою Онь отличался при посѣщеніи послѣ того севастопольскихъ бастіоновъ и батарей подъ смертоноснымъ неприятельскимъ огнемъ».

Возвратившись съ театра войны въ Петербургъ, Великій Князь засталъ Императора Николая Павловича уже скончавшимся и перенесеннымъ въ Петропавловскій соборъ, а Императрицу совершенно больной отъ перенесенныхъ потрясеній. Государыня вскорѣ поѣхала за границу лечиться въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила Николаевича, путешествовавшаго подъ именемъ графа Михайловскаго.

Еще до того, съ весны 1855 года, Великій Князь началъ свою государственную дѣятельность, засѣдая въ государственномъ совѣтѣ, а затѣмъ Его служебныя занятія съ каждымъ годомъ становятся сложнее; число занимаемыхъ Имъ должностей возрастаетъ.

Великій Князь относился съ особеннымъ вниманіемъ и любовью, и Своими реформами, Своей отеческой заботливостью объ учащихся навсегда приобрѣлъ глубочайшую любовь и преданность всѣхъ, получившихъ воспитаніе въ военномъ учебномъ заведеніи, находившихся подъ Его управленіемъ.

«Почти трехлѣтнее управленіе этимъ вѣдомствомъ,—говоритъ Великій Князь въ прощальномъ своемъ приказѣ, по случаю назначенія Его Намѣстникомъ кавказскимъ, облизало Меня и съ дѣлою отечественнаго военнаго образованія, и съ воспитанниками военно-учебныхъ заведеній и наряду съ нѣкоторыми неизбежными и навсегда забытыми уже огорченіями дало много отраднхъ минутъ».

Отправленіе Великимъ Княземъ обязанностей по назначенію Генералъ-Фельдцейхмейстера совпало съ горячій эпохой реформъ, и наша артиллерія въ сравнительно короткій промежутокъ времени, благодаря Его мудрому управленію, совершенно измѣнила свою организацію. Великій Князь поистинѣ могъ гордиться достигнутыми Имъ результатами, и, разставаясь съ артиллеріей при отъѣздѣ на новую должность на Кавказъ, высказалъ увѣренность, что артиллерія, «всегда дорогая Моюму сердцу, потянется и впередъ стяжать то высокое и лестное вниманіе Государя Императора, котораго она донныи удостоивалась».

Дѣятельность Великаго Князя на Кавказѣ, какъ Намѣстника, занесена въ скрижали исторіи, такъ какъ она ознаменована окончательнымъ покореніемъ западнаго Кавказа.

Затѣмъ, въ 1877 году (12 го апрѣля), Великій Князь, какъ Главнокомандующій кавказской арміей, въ виду Высочайшаго Манифеста, возвѣщавшаго войну съ Турціей, обратился къ Своей закаленной въ бояхъ арміи со словами: «За вами славное прошлое кавказскихъ войскъ. Передъ вами—поля и твердыни, обогрѣныя кровью ва-

шихъ отцовъ и братьевъ. Впередъ! съ Богомъ за родину и Великаго Государя!» — и черезъ пять дней главныя силы кавказской арміи уже стояли передъ Карсомъ.

Подвиги кавказскихъ войскъ въ минувшую войну золотыми буквами записаны на страницахъ исторіи.

При заключеніи 16-го апрѣля 1878 г. мира, Великій Князь, на котораго возложено было веденіе переговоровъ о порядкѣ присоединенія къ Россіи Батумскаго края, успѣшнымъ исполненіемъ возложеннаго на Него порученія оказалъ огромную услугу отечеству. Въ ознаменованіе важныхъ заслугъ, оказанныхъ въ войнѣ съ Турціей, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ произведенъ былъ въ Генералъ-Фельдмаршала.

Послѣ войны Великій Князь опять вернулся къ мирной дѣятельности, а 14-го іюля 1881 г. былъ назначенъ Именнымъ указомъ Императора Александра III Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, при чемъ Государь Императоръ выражалъ Великому Князю душевную признательность за «многочлѣтніе труды и посвѣщенную дѣятельность на Кавказѣ».

Возвратившись въ Петербургъ, Великій Князь не переставалъ неустанно слѣдить за успѣхами дорогой Его сердцу артиллеріи.

Своей полезной и выдающейся дѣятельностью Мистическій Фельдмаршалъ русской арміи не только заслужилъ глубокую и безпрѣлѣнную благодарность всего русскаго народа, но и глубокое уваженіе Государя Императора, члѣнаго въ Немъ и Старѣйшаго Члена Царскаго Дома. Въ Высочайшимъ рескриптѣ, даннымъ въ день Священнаго Коронованія нынѣ Царствующаго Государя Императора, между прочимъ, значится:

«Незабвенный Родитель Мой, принявъ въ 1881 году наслѣдіе Самодержавнаго правленія, пожелалъ привлечь Васъ къ ближнему сотрудничеству и довѣрилъ Вамъ сложныя обязанности Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Членомъ котораго Вы состоите съ 1855 года. На этомъ высшемъ государственномъ посту Ваше Высочество явилось новое доказательство неутомимаго служенія благо Россіи. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ подъ Вашимъ руководствомъ были разсмотрѣны въ совѣтѣ многочисленныя и обширныя дѣла, законодательныя и финансовыя. Успѣшное разрѣшеніе этихъ дѣлъ, направляемое Вами, согласно предугазаніямъ, даннымъ въ Вашѣмъ почивающимъ Родителемъ Моимъ при началѣ Его царствованія, содѣйствовало укрѣпленію власти и упроченію порядка, придавъ въ то-же время должную устойчивость государственному хозяйству...»

Вотъ лучшая и вѣрнѣйшая оцѣнка государственной дѣятельности Великаго Князя, сдѣланная съ Высоты трона.

Въ томъ-же рескриптѣ свидѣтельствуется о «любви, дружбѣ и довѣрїи четырехъ Вѣщепосцевъ, высоко цѣнившихъ самоотверженную дѣятельность» Великаго Князя Михаила Николаевича; въ прошломъ-же году, 28-го января, въ день празднованія 50-ти-лѣтія со дня назначенія Его Высочества Шефомъ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, Великому Князю оказана была особая честь Государемъ Императоромъ. Прибавивъ ранѣ Великаго Князя, Государь Императоръ встрѣтилъ Генералъ-Фельдцейхмейстера, скомандовавъ бригадѣ «на караулъ».

Въ чествованіи Его Императорскаго Высочества принимаетъ участіе все храброе русское воинство.

СОПЕРНИКИ.

Американскій разсказъ Т. Голла

Когда мистеръ Вильбуръ умеръ, красавица-вдова его имѣла столько ухаживателей, жаждавшихъ утѣшить ся горе, какъ ни одна женщина въ странѣ. Каждый изъ нея многочисленныхъ вздыхателей готовъ былъ охотно умереть за нее, что сдѣлали и въ самомъ дѣлѣ многіе, отвергнутые красавицей, — кто съ помощью пистолета, а кто отъ неумѣреннаго употребленія виски. И мало-по-малу кругъ искателей руки и сердца прекрасной вдовы сузился до того, что осталось только двое серьезныхъ претендентовъ, всѣми силами добивавшихся благосклонности прелестной миссисъ Вильбуръ.

Одинъ изъ нихъ былъ Билль Броунъ, пожилой уже человѣкъ, громаднаго роста и крѣпкаго сложенія, пользовавшийся репутаціей опаснаго врага въ сорѣ. Онь всегда хранилъ сосредоточенный, угрюмый видъ и отличался не сообщительностью, такъ что никто не зналъ, откуда онъ явился и что было въ его прошломъ, а разсиривать объ этомъ его не рѣшались, хотя эти вопросы, несомнѣнно, всѣхъ интересовали.

Онь былъ владѣльцемъ превосходной золотоносной шахты, мѣстонахожденіе которой сохранялъ отъ всѣхъ въ глубокой тайнѣ. Находилось много охотниковъ найти это мѣсто, чтобы попробовать счастья хотя-бы рядомъ съ нимъ, на сосѣднихъ участкахъ земли, но Браунъ ревниво охранялъ тайну и никто не рѣшался на слишкомъ открытыя поиски изъ опасенія познакомиться съ мѣткою пулей угрюмаго Брауна.

Когда у Брауна бывало мало денегъ, онъ внезапно пропадалъ изъ города и черезъ нѣсколько недѣль возвращался обратно съ тремя или четырьмя мулами, тяжело нагруженными мѣшками съ кварцемъ. И какой удивительный былъ этотъ кварцъ! Народъ называлъ его «гидрой кварцъ», потому что его можно было разбивать обыкновеннымъ молоткомъ, но потомъ изъ кусочковъ этого кварца добывалось множество крупнонокъ чистѣйшаго блестящаго золота.

Несмотря на свою грязную синюю блузу, надвинутую постоянно на глаза шляпу съ широкой кожаной лентой, свою большую бороду и начинавшіе сѣдѣть волосы, несмотря на свой мрачный видъ, показывавшій, что человѣкъ этотъ прошелъ суровую жизненную школу въ теченіе многихъ лѣтъ, — Браунъ, несомнѣнно, могъ называться красивымъ, представителемъ мужичиной, имѣющимъ достаточно данныхъ, чтобы пользоваться успѣхомъ у женщинъ.

Соперникъ Брауна былъ также красивъ собою, но совершенно въ другомъ стилѣ. Молодой Джекъ Армстронгъ былъ лишь немного ниже ростомъ Брауна, но отличался присущей юношѣ стройностью стана и свѣжестью блѣднаго лица, носившаго на себѣ отпечатокъ меланхолическаго; въ сравненіи съ мужественнымъ ветераномъ жизненной

борьбы—Брауномъ, онъ казался просто мальчикомъ.

Дѣйствія соперниковъ на всѣ лады обсуждались и комментировались жителями этого захолустнаго городка, большими любителями разныхъ пересудовъ. Каждый изъ нихъ былъ увѣренъ, что если Армстронгъ выйдетъ побѣдителемъ Брауна въ борьбѣ за сердечныя симпатіи красавицы-вдовы, — Браунъ убьетъ его. Но никто не могъ предложить, какъ поступить Армстронгу, если побѣдителемъ будетъ Браунъ.

Поэтому вполне понятно необыкновенное возбужденіе, проявившееся между жителями маленькаго городка, когда стало извѣстнымъ, что прелестная вдова предпочитаетъ блѣднѣщаго мальчика. Всѣ ждали, что будетъ и единодушно жалѣли Армстронга, не желая видѣть его убитымъ, хотя, какъ это водится, никто не могъ себѣ представить, при какихъ обстоятельствахъ убійство можетъ совершиться. Въ результатѣ нѣсколько идіотовъ съ заячьими мозгами послали Брауну анонимныя письма, извѣщавшія его о томъ, что вдова отдастъ предпочтеніе Армстронгу.

На слѣдующій день Браунъ отправился къ Армстронгу и вѣжливо предложилъ послѣднему пойти съ нимъ удить рыбу на озеро Попо-Эджи. Предложеніе было совершенно также вѣжливо принято, и черезъ часъ послѣ этого двое людей выѣхали изъ города, погоняя передъ собою навьюченнаго мула по извилистой горной тропинкѣ.

Когда эти люди доѣхали до вершины горы, болѣе высокой изъ нихъ вырѣзалъ двѣ палочки, заострилъ ихъ съ одного конца и вбилъ въ землю въ близкомъ разстояніи одну отъ другой, чтобы по нимъ опредѣлить линію зрѣнія, какъ дѣлаютъ, когда нужно показать кому-либо предметъ, находящійся на далекомъ разстояніи. Сдѣлавъ все это, онъ обратился къ своему спутнику и сказалъ:

— Армстронгъ, ложись на землю и смотри по направленію верхушекъ этихъ палочекъ.

Другой молча повиновался. — Ну,—сказалъ онъ. — Видишь-ли ты вдалекѣ блѣлую скалу, расположенную въ черной лощинѣ?

— Да. — Увѣренъ-ли ты, что она отсюда въ тридцати миляхъ?

— Вполнѣ увѣренъ.

— Въ этой лощинѣ, въ полумилѣ отъ блѣлой скалы, на которую ты смотришь, находится моя шахта, богатѣйшая золотоносная шахта, которую когда-либо Богъ положилъ въ Скалистыхъ горахъ. Человѣкъ, котораго обладалъ ею, можетъ быть болѣе, чѣмъ миллионеромъ...

— Поздравляю васъ! — Не поздравляй меня слишкомъ скоро. Смотри теперь назадъ, въ долину. Тамъ, гдѣ ты едва можешь различить серебристую поверхность Попо-Эджи, живетъ женщина...

Молодой человѣкъ плотно сжалъ свои губы, однако просто отвѣчалъ:

— Да. — Мы оба любимъ эту женщину; для каждаго изъ насъ она имѣетъ болѣе значенія, нежели та шахта въ горахъ или даже десять такихъ шахтъ. Но шахта и деньги, которыя получаютъ изъ нея, должны принадлежать этой женщинѣ. Я владѣю шахтой, женщина любить тебя, однако, если-бы ты не стоялъ мнѣ поперекъ дороги, и я сумѣлъ-бы побѣдить сердце этой женщины... Теперь, что скажешь ты на это: вотъ двѣ шестистволки, осмотри ихъ и выбери любую, и мы будемъ стрѣляться здѣсь безъ свидѣтелей... Кто выйдетъ отсюда живымъ, будетъ владѣть и шахтой, и женщиной...

— Возьми обѣ свои шестистволки и стой-я самъ.

— Какъ?—загремѣлъ Браунъ;—ты хочешь сказать, что эта маленькая женщина любить труса?

— А развѣ ты думаешь, можетъ быть трусомъ тотъ, который согласился идти удить рыбу съ такимъ страшнымъ человѣкомъ, какъ ты, будучи совершенно одинокимъ и безоружнымъ?..

— Если ты не будешь драться,—я убью тебя!

— Я не сомнѣваюсь. — Высокій человѣкъ медленно подошелъ къ одному изъ револьверовъ и также медленно поднималъ его. На мгновеніе онъ задумался...

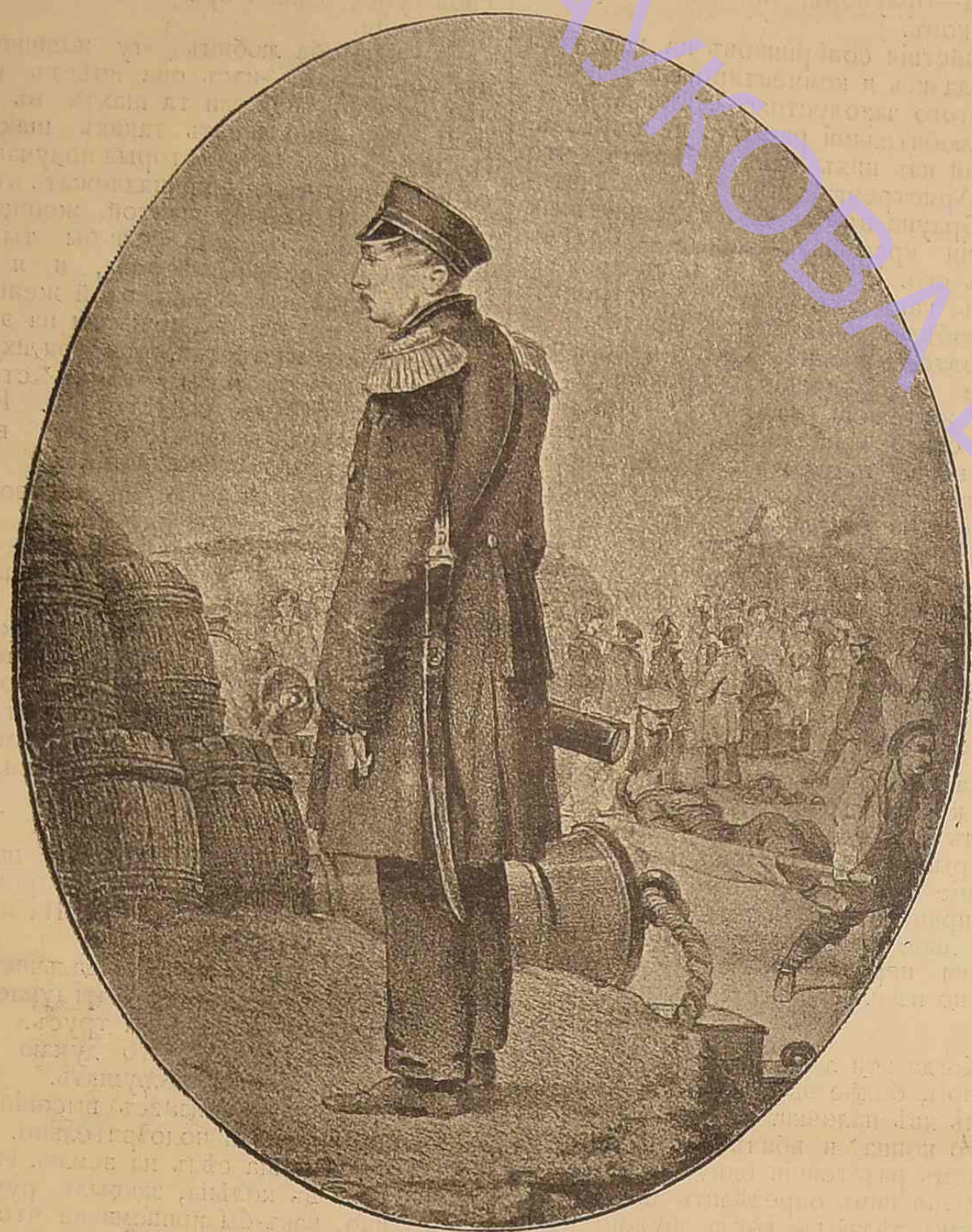
— Что ты думаешь, мальчикъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Что ты думаешь? Я не могу вѣрить, что ты трусъ.

— Я скажу тебѣ, что думаю объ этомъ, если хочешь выслушать.

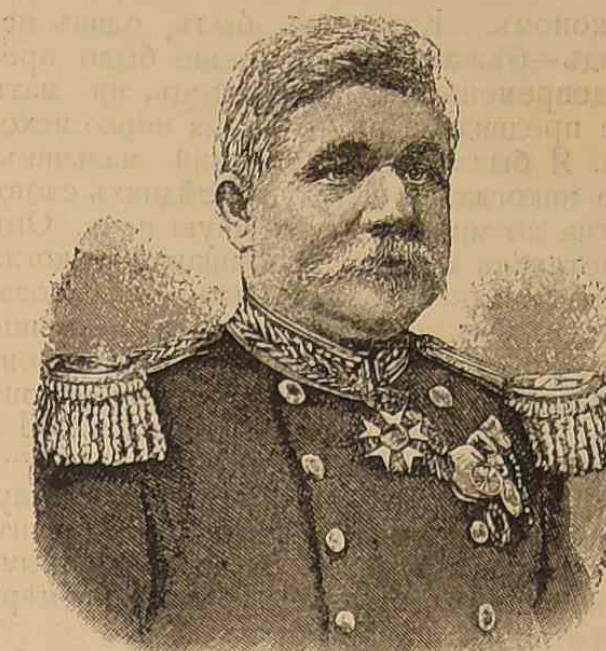
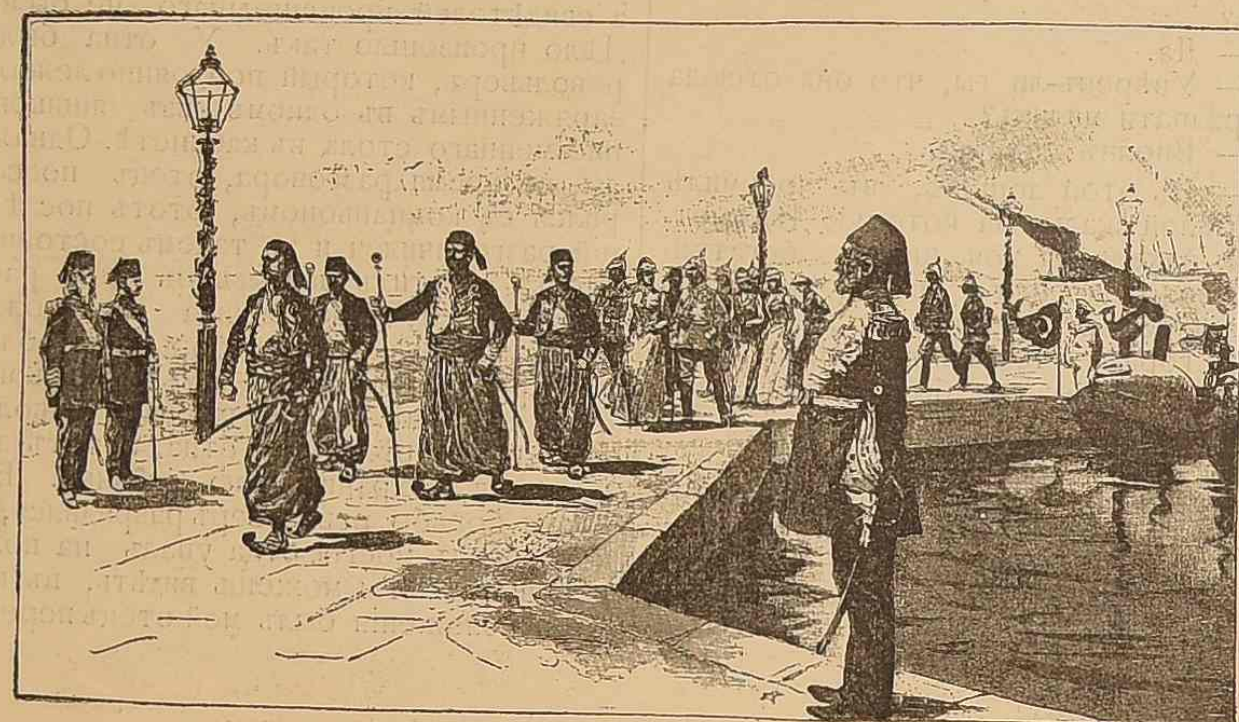
— Говори,—произнесъ высокий человѣкъ вѣренно и подозрительно.

Тогда юноша сѣлъ на землю, уперся локтями въ колѣна, заковылъ руками свое лицо, какъ-бы припоминая что-то, и началъ:

— Браунъ,—сказалъ онъ,—однажды, —это было на дальнемъ Востокѣ,—отецъ мой убилъ человѣка, а тамъ не смотрятъ на такія вещи столь легко, какъ здѣсь. Убитый былъ компаньонъ по дѣламъ отца, обманувшій и разорившій его, но былъ убитъ не изъ мести, а просто изъ чувства самосохраненія, во время боѣбы. Однако всѣ улики падали на отца, какъ на убійцу, а свидѣтелей происшедшаго не было. Дѣло произошло такъ. У отца былъ револьверъ, который постоянно лежалъ заряженнымъ въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола въ кабинетѣ. Однажды, во время разговора, отецъ поссорился съ компаньономъ, этотъ послѣдній разгорячился и въ такомъ состояніи вдругъ схватилъ револьверъ изъ раскрытаго случайно ящика въ столѣ. Между ними началась борьба за обладаніе револьверомъ, при чемъ компаньонъ отца нападалъ, желая вырвать револьверъ и выстрѣлить въ отца, а тотъ защищался, охраняя свою жизнь... Во время боѣбы револьверъ разрядился, и компаньонъ моего отца упалъ на полъ мертвымъ... Ты можешь видѣть, въ какомъ положеніи былъ мой отецъ передъ

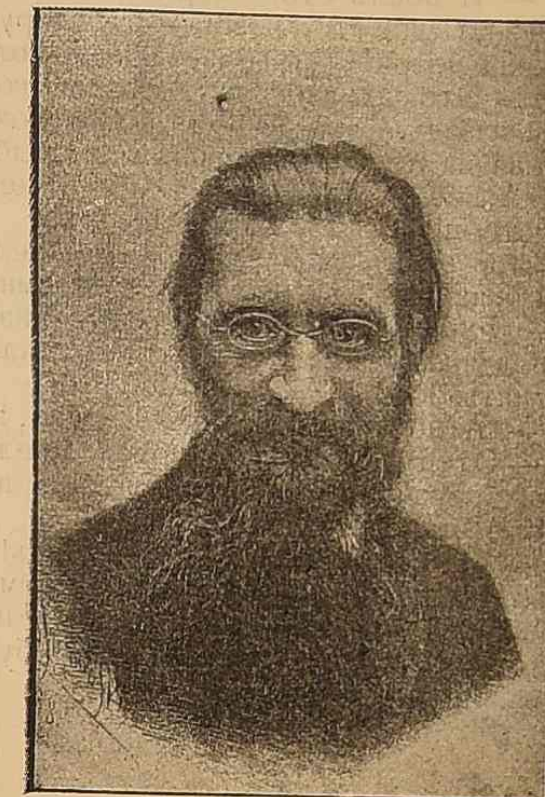
Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

Памятникъ Нахимову въ Севастополь,
открывающійся 18-го ноября.Статуя П. И. Чайковскаго.
поставленная въ Петербургской консерваторіи.Генераль Бро,
новый начальник штаба войскъ французской
арміи.Е. О. Водовозова,
(по поводу 35-ти-лѣтія педагогической
дѣятельности).

Прибытіе германской императорской четы въ Яффу.

Одесса.—Польская труппа театра «Гарменія».

В. Я. Стохнюкъ,
извѣстный педагогъ (по поводу 10-ти-лѣтія со
дня кончины † 4-го ноября 1888 года).

законом... Казалось, быть один исход—бжгать. Это ршеніе было преждевременным, но ни отец, ни мать не предвидѣли въ то время иного исхода. Я былъ тогда маленький мальчикъ, но никогда не забуду послѣднихъ словъ отца ко мнѣ въ эту темную ночь. Онъ заставилъ меня дать обѣщаніе—никогда не убивать человѣка, даже въ самозащиту. Онъ сказалъ мнѣ, что лучше умереть самому, нежели имѣть кровь человѣка на своихъ рукахъ. Потомъ онъ поцѣловалъ мою мать и удалился... И я сдержу свое обѣщаніе.

— А твоя мать?—прервалъ глухимъ, измѣнившимся голосомъ Браунъ, слушавшій рассказъ съ напряженнымъ вниманіемъ и мѣняясь въ лицѣ по мѣрѣ его продолженія.

— Начала работать, чтобы добыть средства къ нашему существованію, а когда я выросъ и могъ самъ позаботиться о себѣ, такъ что ея обязанности ко мнѣ кончились,—она неожиданно умерла.

— А твоя мать, она никогда не забыла твоего отца, никогда не вышла замужъ?

Въ эту ясную ночь мѣсяцъ смотрѣлъ на уединенную, высокую гору и видѣлъ тамъ двухъ людей, заключенныхъ въ объятіяхъ другъ-друга, лежавшихъ на травѣ, безмолвныхъ, но не спящихъ. А солнце на другой день видѣло этихъ-же людей, идущихъ съ горы рука-объ-руку, а за ними медленно слѣдовали двѣ лошади и навьюченный мулъ.

Въ полдень люди эти подошли къ мѣсту, которое, казалось, имѣло значеніе для обоихъ.

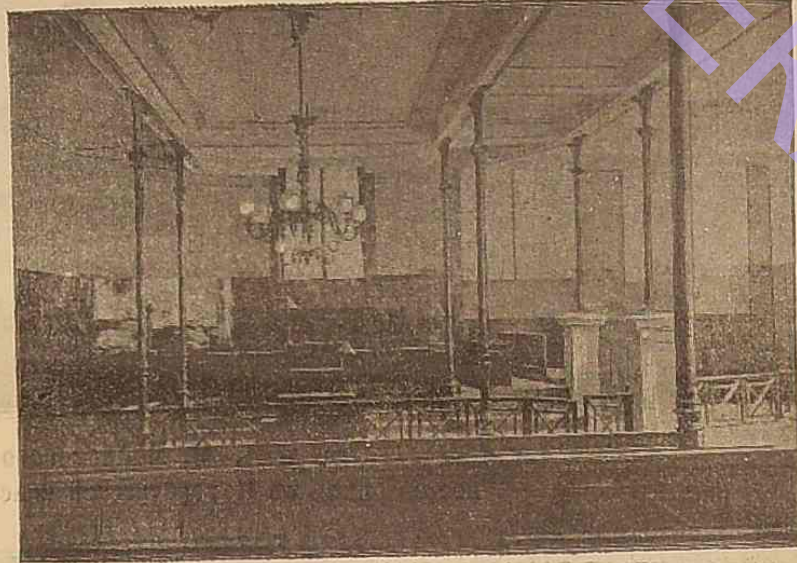
— Ты,—сказалъ старшій изъ нихъ, указывая по направленію рѣки,—иди къ женщинѣ, которую ты любишь и которая любитъ тебя, а я—на могилу женщины, которую любилъ я и которая любила меня такъ долго и такъ вѣрно.

Они пожали другъ другу руки и разошлись.

А обитатели захолустнаго западнаго городка и до сихъ поръ не разрѣшили такъ волновавшаго ихъ вопроса...

Зданіе суда въ Женевѣ.

Заль засѣданій.

КЪ ПРОЦЕССУ ЛУККЕНИ.

НЕВИННЫЯ ЗАБАВЫ

(Изъ дневника одного армянскаго архіерея).
Рассказъ Попоріанца *).

Переводъ съ армянскаго.

I.

Въ моей поѣздкѣ по турецкой Арменіи мнѣ разъ случилось заночевать въ селѣ Кхаргумѣ. Одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ села пригласилъ меня на ужинъ. Послѣ ужина я заявилъ желаніе принять участіе въ собраніи крестьянъ, которое устраивается ими на открытомъ воздухѣ. Но пошелъ дождь (дѣло было осенью), онъ становился все сильнѣе, такъ что мы вынуждены были искать защиты отъ него въ хлѣбѣ.

* Попоріанцъ считается въ настоящее время однимъ изъ первыхъ писателей армянской литературы. Получивши образованіе въ женевскомъ университетѣ, онъ былъ сотрудникомъ армянской газеты *Миацъ* и журнала *Мурга*. Его письма изъ турецкой Арменіи, пользующіяся большою извѣстностью. Герои предлагаемаго нами рассказа взяты цѣликомъ изъ жизни, что удостовѣряетъ съ оимъ свидѣтельствомъ извѣстный этнографъ и путешественникъ, армянскій епископъ *Соритцианъ*.
Пр. перев.

Слабый свѣтъ едва освѣщалъ насъ. Старика окружали меня, а молодежь пѣла свои заунывные пѣсни подъ аккомпаниментъ такой-же заунывной флейты, ей вторило изъ отдаленнаго угла меланхолическое баянѣ овецъ и такой-же ревъ коровъ. Воздухъ въ нашемъ убѣжищѣ былъ страшно душный и тяжелый, но я уже привыкъ къ этому. Старика стали просить меня разказать имъ что нибудь изъ Библии; я только что началъ свой рассказъ, какъ дверь съ шумомъ отворилась, и къ намъ вбѣжалъ дрожащій, съ простертыми руками крестьянинъ. Всѣ мы смотримъ на него съ удивленіемъ, пѣніе и мычаніе умолкли, даже коровы приостановили свою жвачку, уставившись на насъ глазами.

— Ото въ селѣ,—кричалъ крестьянинъ,—онъ у Госпора.

Я отказываюсь описать то волненіе, какое произвела въ нашемъ собраніи эта новость: старикъ охалъ, молодежь толпилась вокругъ меня, а сельскій староста насыпалъ брови. Присутствовавшій же на собраніи священникъ шепталъ: «Господи, Боже мой, опять!» Я же ничего не понимаю и смотрю на всѣхъ съ недоумѣніемъ. Наконецъ, спрашиваю:

— Что случилось?

Староста съ нѣкоторыми изъ крестьянъ уходитъ, а священникъ объясняетъ мнѣ въ

чемъ дѣло. Ото — глава одного изъ курдскихъ племенъ, оно расположилось издавна около армянскихъ селеній. Ото очень нравиться ходить по армянскимъ селеніямъ и развлекаться въ нихъ отъ сибѣющей его скуки. Онъ не убиваетъ никого, не грабитъ, но дѣлаетъ во это разъ хуже. Хотя крестьяне давно привыкли къ посѣщеніямъ Ото, но, несмотря на это, каждое изъ его посѣщеній наводитъ на нихъ большій ужасъ, чѣмъ разбойничьи шайки. Священникъ разсказывалъ мнѣ про Ото страшныя вещи.

— Кто знаетъ,—сказалъ священникъ, окончивъ свой рассказъ,—что придется вынести теперь бѣдному Госпору,—и онъ вздохнулъ при этомъ, а глаза наполняются слезами.—Не можете ли вы, ваше преосвященство, помочь намъ ради самого Бога, какъ-нибудь избавить насъ отъ этого разбойника,—просилъ старикъ голосомъ, въ которомъ выражалась полная безнадѣжность.

На мой вопросъ, одинъ-ли сюда приходитъ Ото, или съ товарищами. Священникъ отвѣтилъ:

— Какже, одинъ съ цѣлою дюжиной годоворѣзовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы

Эти бѣшенныя собаки живутъ даже роскошно отъ награбленнаго ими у насъ. Вотъ, напр., къ намъ недавно прѣбжали правительственные чиновники для того, чтобы отобрать у насъ послѣдніе ножи, а, небось, до ружья и сабеля этихъ собакъ-курдовъ не смѣли дотронуться.

— Но почему-же мы не жалуетесь началъ ству!—воскликнулъ я, возмущенный.

— Ахъ, ваше преосвященство,—отвѣтилъ на мое восклицаніе одинъ изъ оставшихся стариковъ:—разъ десять приносили мы жалобу начальству, и знаете, что отвѣтило намъ на нихъ доброе начальство? Правитель лично спросилъ насъ: убиваетъ-ли, грабитъ-ли Ото насъ, отнимаетъ ли онъ у насъ жень, оскверняетъ ли наши церкви, и когда мы отвѣтили ему, что нѣтъ, то онъ назвалъ насъ невыносимымъ народомъ, любящимъ поднимать шумъ изъ за пустяковъ. Ото же, по его мнѣнію, только забавляется отъ скуки. И благо ему, что можетъ забавляться, а вотъ мы, правители, умираемъ съ тоски,—докачивалъ онъ свою рѣчь.

Послѣ разсказа старика мнѣ взяло такое горе, что я готовъ былъ плакать. Я пожелалъ идти къ Госпору, но знаю самъ, какая у меня была пѣль. Надѣлся-ли я, что мнѣ удастся смягчить сердце злодѣя, или на то, что слово Божіе будетъ имѣть силу вырвать бѣдника изъ рукъ разбойника. Но священникъ умолялъ меня отказаться отъ своего намѣренія, говоря, что я лишь понапрасну подвергнусь большому неприятелиамъ. Ото не щадитъ никого,—продолжалъ священникъ. Въ прошломъ году онъ схватилъ меня за бороду при всѣхъ и хотѣлъ заставить меня плясать предъ приходившими съ нимъ его товарищами,—разсказывалъ онъ.

Однако я настаивалъ на своемъ. Тогда священникъ обѣщалъ устроить такъ, что я буду видѣть все происходящее у Госпора, самъ же не буду видѣть, при чемъ опять умолялъ меня не трогаться съ мѣста ни въ какомъ случаѣ, чтобы у Госпора ни происходило.

Мы вышли или, вѣрнѣе сказать, вышли на крышу, съ нея перешли на другую и такъ вошли до крыши Госпоровой избы (вѣдь въ армянскихъ селахъ избы строятся вплотную). Оттуда мы спустились на чердакъ. Служившій острожно приподнявъ кирпичъ и смастерилъ мнѣ отверстие во внутренности избы, такъ что я могъ видѣть все происходившее тамъ.

II.

Въ довольно большой комнатѣ—единственномъ помѣщеніи бѣднаго крестьянина, я вижу высокаго курда, вооруженнаго саблей, пистолетомъ и кинжаломъ, ружье же его стоитъ у деревяннаго столба, подпирающаго потолокъ. Предъ курдомъ стоитъ дрожащій Госпору, онъ по временамъ подаетъ тревожные взгляды въ тотъ уголъ, гдѣ, съжавшись, сидитъ жена съ двумя дѣтьми. По срединѣ комнаты очагъ, изъ него идетъ пламя въ продѣланное въ крышѣ отверстие. Курдъ раздѣвается.

— Славный огонь,—говоритъ онъ,—я весь промокъ, надо высушиться.

Онъ снялъ все съ себя, кромѣ сорочки, и съ пухавой улыбки проходитъ мимо крестьянина, который отъ стыда закрываетъ руками. Затѣмъ, остановившись предъ полумертвымъ отъ ужаса крестьяниномъ, сурово смотритъ на него, потомъ спрашиваетъ:

— Ну, собака, развѣ у тебя нѣтъ стула для меня?

Крестьянинъ подаетъ ему скамейку. Ото расклатываетъ скамейку надъ головой, и падаетъ ее въ уголъ съ такой силой, что она разбиваетъ въдребезгъ два кувшина съ во-

дой, и послѣднія цѣлыми ручьями текутъ по земляному полу. Хозяинъ еще сильнѣе трясется, жена испускаетъ глухой стоны, а дѣти плачутъ.

— Молчать,—реветъ курдъ и, схвативъ хозяина за плечи, добавляетъ съ тѣмъ-же ревомъ:—стул!

— У меня нѣтъ стула,—извиняется бѣдникъ.

— И какіе-же вы невѣжи! Ну, на чемъ-же я долженъ сидѣть, пока сунится мое платье? Ты плохой хозяинъ, глуръ, вѣдь для гостя хоть пальца изъ кожи.—При этомъ курдъ щипетъ глазами, нѣтъ-ли чего ему для сидѣнія, но ничего не находитъ. Загнѣвъ, подумавъ немного, подзываетъ Госпора ближе къ очагу и велѣлъ ему стать на четвереньки.

На лицѣ Госпора выражается безпокойство, но онъ повинуется приказу курда безпрекословно. Не успѣвъ еще Госпору принять соответствующее положеніе, какъ курдъ въ мгновеніе ока садится ему на спину и кричитъ:

— Вотъ тебѣ и стулъ! Стой спокойно,—говоритъ гость хозяину.

Я задрожалъ отъ негодованія, хотѣлъ броситься на разбойника, но священникъ ради свѣтлыхъ удержалъ меня, говоря, что мое вмешательство не поможетъ дѣлу, а только погубитъ ихъ всѣхъ. Курдъ сидѣлъ съ поласа на своемъ живомъ стулѣ, не позволяя ему пошевелиться, крича, что не любитъ качалокъ, и при малѣйшемъ движеніи Госпора давалъ ему пинки въ животъ. Наконецъ, платье высохло, курдъ схватилъ съ своего «сидѣнія», разрѣзавъ и ему встать на ноги.

— Спасибо, у тебя удобная сина,—благодаритъ курдъ Госпора.

Одѣвшись, Ото требуетъ ужина, ему сейчасъ даютъ. Послѣ ужина онъ отъ скуки зѣваетъ, шипитъ, нѣтъ ли въ избѣ предмета для развлечения; обводитъ внимательно кухню посуду, смотритъ на пританувшаго въ углу жену, но, къ удивленію, не находитъ ничего достойнаго, для своей забавы, говоритъ, что уходитъ. На вопросъ его, пересталъ-ли дождь, Госпору отвѣчаетъ:

— Напротивъ, настоящій ливень!

Тогда курдъ требуетъ лошади или осла. Оказывается, что у Госпора нѣтъ ни лошади, ни осла.

— Дуракъ!—кричитъ курдъ. Ну, какъ я вернусь домой въ такую погоду. Вѣдь не пш-комъ же мнѣ идти?

— У меня нѣтъ ничего, ага *),—слезно извиняется хозяинъ.

Вдругъ на лицѣ курда появляется улыбка; вѣроятно, какая-нибудь оригинальная мысль озарила его голову:

— Есть ли у тебя узла,—спрашиваетъ онъ Госпора.

— Есть; но зачѣмъ?—изумляется послѣдній.

— Безъ вопросовъ,—принеси ка ее,—приказываетъ курдъ.

Госпору приносятъ узду. Ото, осмотрѣвъ ее, желаетъ затѣмъ знать, случилось-ли Госпору вѣтряться въ горахъ съ волками, и если случилось, то какъ спасался онъ отъ него. Госпору разсказываетъ, что становился на четвереньки, поднималъ голову и лаялъ по собакамъ, отчего вошь убѣжала.

— Умно,—хвалитъ Ото.—Вѣдь глуръ толковый пардъ,—добавляетъ онъ потомъ и велѣтъ Госпору показать на примѣръ только что имъ разсказанное.

Наивный хозяинъ исполняетъ желаніе гостя

*) Господинъ.

и уже сталъ лаять, какъ Ото быстро набрасываетъ на голову Госпору узду, взнуздываетъ его и съ дикимъ хохотомъ восклицаетъ:

— Ну, чѣмъ не лошадь!—дастъ при этомъ Госпору по затылку и приказываетъ ему довести себя до дома.

Мѣра моего терпѣнія переполнилась, я бросился изъ нашего убѣжища куда глаза глядятъ... хотѣлъ кричать, но чья-то рука зажала мнѣ ротъ... Дальше не помню, что было со мной, чувствовалъ только, что дождь хлесталъ мнѣ въ лицо... Минутъ черезъ пять я пришелъ въ себя въ домъ священника... Я провелъ ужасную ночь.

Утромъ крестьяне разсказывали, что разбойникъ бросилъ несчастнаго Госпора гдѣ-то на дорогѣ и потомъ его, еще живого, принесли односельчане домой.

При проѣздѣ черезъ г. Ванъ, я былъ съ визитомъ у тамашаго правителя и разсказалъ ему при этомъ все видѣнное мною въ с. Кхаргумѣ. Тотъ сначала слушалъ меня внимательно, потомъ началъ хохотать и въ заключеніе замѣтилъ:

— Да, Ото очень изобрѣтательный человекъ, у него талантъ придумывать себѣ забавы. Правда, онъ часто у него вздорный, но, въ сущности, невинный.

Н. Л.

Разныя разности.

Любители кошекъ. По поводу выставки кошекъ въ Парижѣ остроумный фельетонистъ и драматическій писатель Эрнестъ Блаумъ сообщаетъ о сѣдующихъ знаменитыхъ любителяхъ кошекъ.

Геодоръ Барьеръ, пишетъ Блаумъ, очень любилъ кошекъ и находитъ, что онъ гораздо привлекательнѣе собакъ. Пр же всего, говорилъ онъ, кошки меньше производятъ шума; онѣ мяукаютъ, а не лаютъ; при томъ онѣ не кусаютъ за шкуры людей, посягающихъ на нихъ.

Если кто приходилъ къ Барьеру, то онъ долженъ былъ, чтобы заслужить его расположеніе, прежде всего позакать его кошекъ.

Когда я однажды, признается Блаумъ, поступался къ нему въ дверь, съ цѣлью упрямости его быть моимъ сотрудникомъ, то нашелъ въ его гостиной пять или шесть кошекъ. Такъ какъ я зналъ о страсти этого писателя къ кошкамъ, то и былъ очень любезенъ къ этимъ животнымъ.

Когда появился Барьеръ, онъ нашелъ меня съ двумя кошками на колыняхъ, одною на плечахъ и четвертою на рукахъ; онъ мнѣ сейчасъ же благосклонно улыбнулся.

— Вы любите кошекъ?—спросилъ онъ.

— Очени!

— Это хорошій знакъ; я увѣренъ, что сюжетъ, принесенный вами, превосходенъ.

— Я надѣюсь.

— Такъ разскажите его мнѣ.

Я началъ разсказывать, но чѣмъ дальше говорилъ, тѣмъ больше омрачалось лицо Барьера. Когда я кончилъ, онъ нѣсколько времени сидѣлъ въ глубокой задумчивости, а потомъ сказалъ съ грустью, какъ бы обращаясь къ самому себѣ:

— Это странно; слѣдовательно, можно любить кошекъ и все-таки писать такую чепуху!

У Скриба была кошка, которая исполняла у него роль критика. Однажды вечеромъ Скрибъ оставилъ на своемъ столѣ начатую сцену; когда онъ а другое утро взялъ перо, чтобы продолжать сцену, то съ удивленіемъ замѣтилъ, что бумага залачана чернилами.

— Что это значитъ,—сказалъ онъ,—кто смѣлъ это сдѣлать?

Оказалось, что бумагу исцачкала кошка, попавшая лапкой въ чернильницу. Скрибъ еще разъ прочелъ сцену.

— Сцена дѣйствительно отвратительна, сказалъ онъ, и кошка права.

г-жа Смолина.

г-нъ Артемьевъ.

г-жа Варгина-Степанова.

г-нъ Михайловъ.

г-нъ Паули.

г-нъ Кубанскій.

г-нъ Бобровъ.

г-жа Артемьева.

г-нъ Завадскій.

Одесса.—Артисты оперетты Русскаго театра.

Редакторъ-издатель А. П. Старковъ.

Дозволено цензурою. Одесса, 7-го ноября 1898 г.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул., д. Бубы.

Редакторъ Е. В. Васьковский.